

“Я не знаю, что такое мораль”

Джоэл Коэн — Газете

Старший из двух братьев Коэн, Джоэл, приехал в Канны представлять новую комедию «Игры джентльменов» в компании одного лишь Тома Хэнкса, исполнившего в фильме центральную роль. Младший брат Итан не смог вылететь из США из-за внезапного заболевания — воспаления легких.

С режиссером, продюсером и сценаристом **Джоэлом Коэном** (на фото слева) встретился и побеседовал обозреватель Газеты **Антон Долин**.

Как себя чувствует ваш брат Итан?

Спасибо, он в порядке. Уже выздоравливает, постепенно приходит в себя.

В «Играх джентльменов» Итан Коэн впервые обозначен в титрах не только как продюсер и сценарист, но и как режиссер. Этот факт что-нибудь меняет? Нет. У всех наших фильмов всегда было два режиссера — я и Итан, и на этот раз мы не изменили обыкновению... если не считать титров. Дело в том, что эту картину нам предложила делать студия Buena Vista, и у фильма было еще четыре продюсера. Обычно в титрах отмечено, что я — режиссер, Итан — продюсер и оба мы — сценаристы. Но на этот раз, коль уж при-

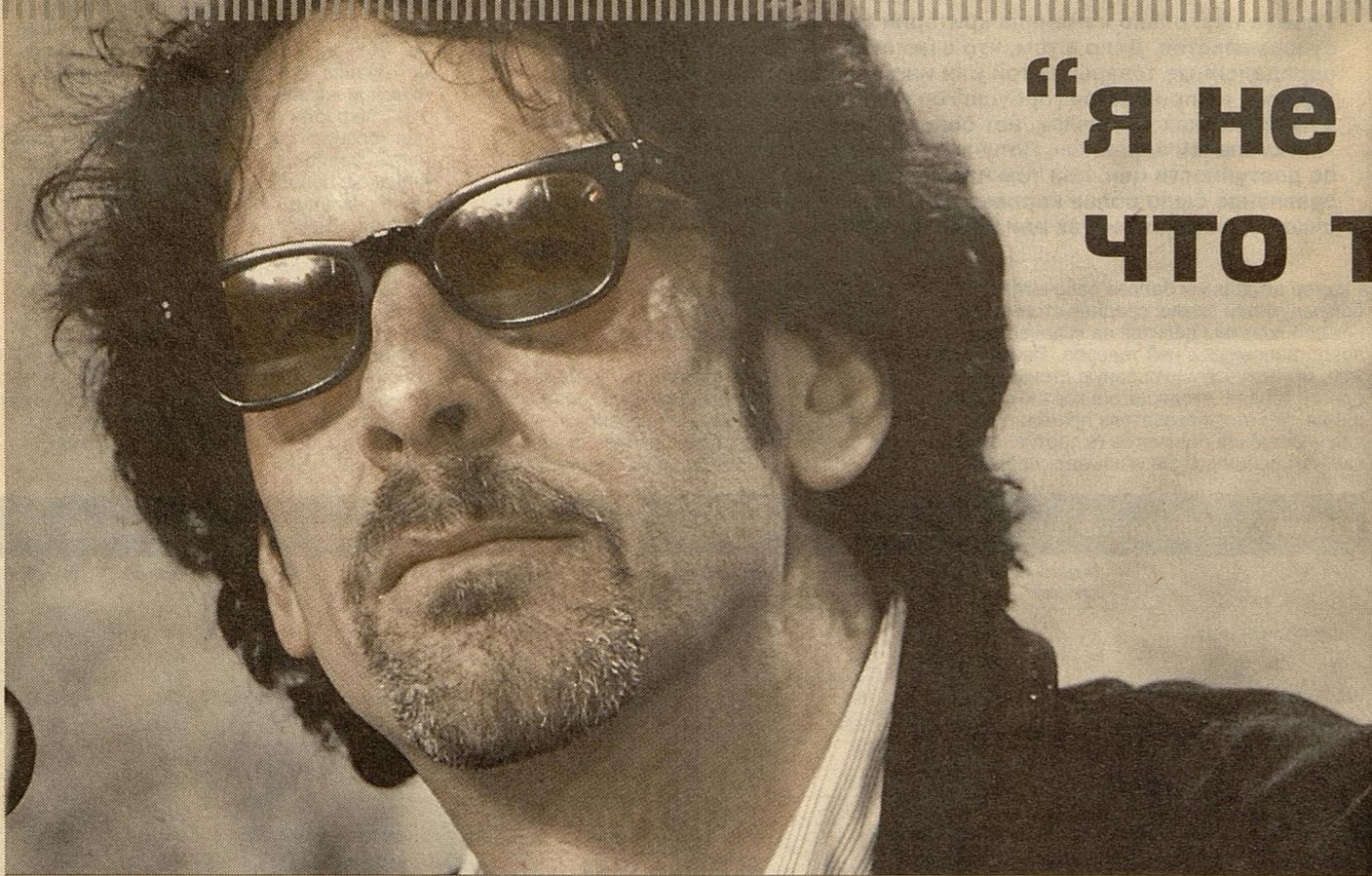

Фото: AP

шлось делить продюсерские лавры, мы решили поменять разделение титров. Теперь мы оба отмечены как режиссеры, чтобы приблизить зрителя к истинному положению вещей. Так мы будем поступать и в будущем, но в реальности это ничего не изменит.

“Я не знаю, что такое мораль”

Джозел Козн — Газете

Джозел Козн: «Когда в Ираке идет война, а президентом становится Буш, я всегда хочу сделать «Большого Лебовски» Фото: AP

01 СТР
Как вообще вам удается работать вместе?
 Мы пишем сценарий вместе, не расстаемся и на съемочной площадке, а потом вместе монтируем фильм. Что еще ответить? Мы всегда рядом друг с другом.

Проект этого фильма мог бы попасть в другие руки...
 Именно так и должно было быть! Первоначально мы писали сценарий — вернее, переписывали сценарий старого фильма с Алесандро Гиннесом — для нашего старого товарища, режиссера Барри Зонненфельда. И вдруг он решил, что лучше уж спродюсирует такой фильм, чем возьмется за постановку. Тогда студия попросила нас самих режиссировать этот фильм.

Потребовало ли это изменений в сценарии?
 Никаких изменений.

В «Играх джентльменов» вы возвращаетесь на американский Юг — госпелы, Миссисипи... «О, где же ты, брат?» вспомнили?

Это вышло само собой, бессознательно. Мы сразу решили перенести действие на Юг, чтобы создать впечатление своеобразной американской «готики». Этот стиль родился именно на Юге, вот в чем дело; а о своих предыдущих фильмах мы даже не вспоминали. Как только мы перенесли действие на Юг, так поняли, что без госпел не обойтись, — и тогда прибегли к помощи продюсера Ти Боун Бернетта, который помог нам создать замечательную музыку. Работая с ним,

мы многому научились, узнали много нового о госпелах.

Эта «готика», наверное, и заставила вас столь обильно цитировать Эдгара Аллана По?

Судя по всему. Мы хотели сделать нечто вроде комедии о смерти. Воплощением смерти всегда был черный ворон, а главным американским поэтом, воспевшим смерть, — По. Так мы решили связать его поэзию с главным героем фильма — профессором-грабителем.

Снимая комедию о смерти, вы вкладывали в нее какую-то мораль?
 Мы — нет. Я вообще не знаю, что такое мораль. Но что-то вроде морали было заложено в историю с самого начала.

Придумывая южный городок, где происходит действие фильма, вы вдохновлялись американским фольклором, сказками?

В том числе. На стилистику этого фильма повлияло многое, всего не перечислить. Время и место мы изобретали долго.

Время действия — наши дни? Уж больно все похоже на 1950-е годы...

Мы с Итаном живем в том далеком времени. То есть на самом-то деле действие фильма происходит сейчас, но в маленьких южных городках время течет медленно, ничто не меняется... «Однажды, давным-давно, в тридцатом царстве» — как в сказках. Правда, у нас в фильме есть и персонаж, который представляет современную хип-хоп-культуру: его сыграл популярный комик Марлон Уайнс.

Снимали что-то на натуре?

Нет, практически все мы снимали в павильоне. Включая мост, под которым проплывает баржа с мусором, — там понадобилась еще и работа с компьютерами. Этот мост и баржа для нас — дорога в Аид, в подземный мир. А мир мертвых в нашем фильме представлен мусорным островом посреди реки. Кажется, мы изобрели новый и остроумный способ избавляться от мертвых тел.

Столько условного, символического... Вас что, вовсе не интересует современный мир? Все Канны бурлят от выступлений вашего соотечественника Майкла Мура против президента Джорджа Буша...

Мы не хотели отражать свое отношение к политике в комедии такого рода. Хотя мы в последнее время все чаще шутим над тем, что пора бы снять продолжение «Большого Лебовски» о второй войне в Ираке. Когда в Ираке идет война, а президентом становится Буш, я всегда хочу сделать «Большого Лебовски».

Вы пересматривали старую комедию «Как пришить старушку» перед тем, как начать переписывать сценарий?

Мы хорошо помним ее с детства, когда смотрели эту и десятки других подобных комедий по телевидению. Мы тогда много смотрели ТВ... Наш отец был родом из Англии, он знал наизусть все эти комедии.

Как по-вашему, передалось вам с братом английское чувство юмора от отца?

Честно говоря, не уверен. Мы обычно используем довольно-таки глупые и дешевые

шутки. Но у нашего отца действительно было великолепное чувство юмора.

Как и когда вам пришла в голову идея обратиться к Тому Хэнксу?

Мы решили взять Хэнкса в тот момент, когда поняли, что сами будем режиссерами этого фильма. Почему? Сам не знаю. Мы давно хотели работать с ним, и очевидно, что он — один из ведущих актеров в США. Нам интересно работать с ним, и мы любим отщепенцев и неудачников.

Когда вы изобретали персонажа Тома Хэнкса — эксцентричного профессора Голтуэйта Хиггинсона Дорра, — у вас был прототип?

Нет, мы выдумали его из головы.

А вдову миссис Мансон тоже выдумали? Да, причем давно. Она уже появлялась у нас в «Невыносимой жестокости», в роли судьи.

Профессор получился у вас персонажем более симпатичным и светлым, чем герой Алека Гиннеса в оригинальном фильме...

Да, это, наверное, заложено в характере Тома Хэнкса. У Тома менее мрачная харизма, чем у Алека.

А Том Хэнкс смотрел старый фильм, готовясь к роли?

Нет. Мы были уверены, что он будет его пересматривать, а он не пошел по этому пути. И со временем мы поняли, что он абсолютно прав, что это умная политика. Ему не при-

шлось отталкиваться от чужой работы: он просто создал свою собственную, без всяких предрассудков. В итоге если в роли и есть что-то общее с Гиннесом, то источник сходства — в наших диалогах, в сценарии.

Вас беспрестанно привлекают эксцентрические, неожиданные персонажи...
 Это бессознательная страсть, которую мы не в состоянии контролировать. Мы придумываем таких персонажей, с которыми нам интересно работать. Мы любим отщепенцев и неудачников.

Вы планировали сделать популярный фильм, заработать на этом?

Нет, что вы, мы такие вещи никогда даже не пытаемся просчитать. Понимаете, это не было для нас чисто коммерческим проектом, потому что мы сначала были лишь сценаристами — а когда ты пишешь сценарий, то всегда отдаешь творческому процессу частичку своего «я»... даже если речь идет о заказной работе. Невозможно написать что-то, не будучи вовлеченным в текст эмоционально.

Может быть, сегодня вы зарабатываете больше денег на продаже саундтреков, чем на фильмах?

Больше денег на саундтреке мы заработали лишь однажды, в случае «О, где же ты, брат?».

Вас не смущает то, что подобные фильмы расшатывают вашу репутацию экспериментаторов и героев интеллектуального кино?

Мы относимся к нашей репутации безразлично, как и к необходимости «поддерживать авторский стиль». Эксперименты нас интересуют в единственном смысле: мы хотим постоянно делать что-то новое для себя. Что касается ожиданий публики, то чем больше она ждет, тем больше разочаровывается. Мы давно махнули на это рукой.

То есть вы собираетесь продолжать делать фильмы в духе «Невыносимой жестокости» и «Игр джентльменов»?

Пока мы ничего не собираемся, у нас еще нет готового проекта следующей картины. Как только нас что-то заинтересует, мы сделаем это.

А что случилось с проектом фильма «К Белому морю» — о судьбе pilota Второй мировой, которого должен был сыграть Брэд Питт?

К сожалению, этот проект никогда не увидит свет, мы его забросили. А все из-за того, что не смогли вовремя найти финансирование. Фильм должен был стать беспрецедентно дорогим и сложным.

Короче говоря, вы просто не знаете, что будете снимать дальше?

Мы работаем над одной историей, но еще не знаем, что это будет такое.

Вы ждете призов от Квентина Тарантино?

Нет. Я с ним встречался, и мне не показалось, что стоит ждать приза.

газета

о, где же вы, братья?

Семейный дуэт братьев Итана и Джозла Кознов — редкий для Голливуда пример долговечности творческого сотрудничества. Начиная с самого первого своего фильма «Просто кровь» (1984), братья вместе пишут сценарии и потом вместе снимают по ним кино (довольно часто главную женскую роль в их фильмах исполняет супруга Джозла, Фрэнсис Макдорманд). Впрочем, только старший из братьев, Джозел, получил профессиональное кинематографическое образование — он изучал режиссуру в Нью-Йоркском университете. Поэтому до недавнего времени именно его имя значилось в титрах фильмов Кознов напротив обозначения «режиссер». Стиль братьев можно определить как смесь элементов триллера и комедии (с изрядной долей черного юмора) в разных пропорциях. Эти составляющие присутствуют и в авантюрном «Воспитании Аризоны» (1987), и в гангстерском «Перекрестке Миллера» (1990), и в абсурдном «Барто-не Финке» (1991), и в сатирическом «Зиц-председателе» (1994) и в заснеженном «Фарго» (1996). Вместе с тем братья любят удивлять зрителей, меняя как перчатку темы и антураж своих картин, — после расслабленного «Большого Лебовски» (1998) они сняли ретро-мюзикл «О, где же ты, брат?» (2000); а выдержанный в стилистике пятидеся-тих мрачный «Человек, которого не было» (2001) сменился виртуозным брако-разводным фарсом «Невыносимая жестокость» (2003).